

Из приведенных примеров становится ясно, что в процессе переструктурирования сведений о чужой действительности нередко намеренные, либо ненамеренные искажения чужой картины мира, что оказывает существенное влияние на результат воздействия текста на реципиента [4, с.23].

Таким образом, реалии, являясь непосредственной составляющей эстетики художественного текста, выполняют в нём многочисленные и разнообразные функции: они отражают писательское кредо, участвуют в семантизации всех универсальных художественных смыслов текста, а также в формировании его эстетической экспрессивности. Для реалий наиболее характерны функции воссоздания местного (национального) и исторического колорита и функция эстетизации бытовой детали. Кроме того, реалии выступают преимущественно в качестве маркеров местного колорита (реалии-диалектизмы, реалии-локализмы) или маркеров чужой культуры.

Литература

1. Вайсбурд, М.Л. Реалии как элемент страноведения / М.Л. Вайсбурд // Рус. яз. за рубежом. – М., 1972. – 230 с.
2. Кретов, А.А. Лингвистическая теория реалии / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013, №1. – С. 7-13.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. – Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1999. – 190 с.
5. Мележ, І. Людзі на балодзе: Раман з «Палес. хронікі» / І. Мележ. – Мн.: Маст. літ., 1999. – 399 с.
6. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка / под ред. А.А. Кретова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 165 с.
7. Iwan Melesh Menschen im Sumpf : Roman / Iwan Melesh; [aus dem Belorussischen von Henryk Bereska [et al.]. – Berlin : Volk und Welt, 1974. – 519 с.

E.S. Brynina

Grodno State University named after Yanka Kupala
e-mail: Brynina_ES@grsu.by

Art feature of cultural realities in "Polesye chronicle" by I. Melezh

Key words: reality, linguistic culture, the national colors, literary text, function of realities

The article deals with the most important functions of reality in a literary text. During the analysis the author identifies five main functions: a reflection of local (national) colors, a reflection of historical color, aesthetization household items, symbolic function and the function of the marker of another culture.

Н.Л. Вершинина

Псковский государственный университет
e-mail: nati_85inbox.ru

УДК 82:316.3

АКСИОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ НА ПОЕЗДКЕ ИЗ ДЕРПТА В БЕЛОРУССИЮ И ОБРАТНО, ВЕСНОЮ 1835 ГОДА» Ф.В. БУЛГАРИНА (ОБРАЗЫ «ПСКОВИЧА» И «ВИТЕБЧАНИНА»)

Ключевые слова: жанр путешествия, Ф.В. Булгарин, национальная ментальность, «пскович», «витебчанин».

В докладе анализируется характер аксиологических представлений Ф.В. Булгарина, отразившихся в литературной специфике социально-этнических и морально-психологических характеристик жителей Псковской и Витебской губерний. Устанавливаются различия в подходах автора к изображению «псковича» и «витебчанина», обусловленные геополитическим и историческим своеобразием их состояния, актуальным для Булгарина на момент путешествия. Вместе с тем, подчеркивается унификация в изображении ментальных признаков, связанная с общественно-литературной позицией автора: выдвигание на первый план не национальных, а государственных приоритетов, утверждение единых просветительских ценностей, важность объединяющих народы экономических факторов, общность нравственных представлений.

В специальных работах, посвященных исследованию жанра путешествия в русской и мировой литературе XVIII–XIX веков, «Путевые заметки ...», избранные нами в качестве объекта изучения, обычно не упоминаются [2; 13; 16]. Причина, на наш взгляд, заключатся не только в определяющей оценке сочинений Булгарина его общественно-литературной репутации [1, с.14] – другим немаловажным фактором может быть кажущаяся банальность текста, внешнее отсутствие признаков, выделяющих его на фоне массива «путешествий». До конца Булгарин не подпадает под модификации жанра, утвердившиеся в классификациях «путевой» литературы, что значительно за-

трудняет его включение в перечни авторов, разделяемых по принадлежности к двум жанровым разновидностям.

Изучение «Путевых заметок ...» в этом аспекте не оставляет сомнений в том, что Булгарин не может быть отнесен к «стерновской» линии «путешествий воображения», что его «путешествие» – с позиций конститутивных признаков – ближе другой жанровой модели: в терминологии И.В. Ба-нах – «документально-просветительской» [2, с.3]. Однако необходимо отметить, что такая модель присутствует в сочинении Булгарина не в полном, не в классическом виде, и на этих отличиях правомерно остановиться, так как они позволяют точнее определить отношение писателя к проблеме национальной ментальности.

Основу «Путевых заметок...» составляет «реальное» передвижение автора по маршруту, до него уже пройденному другими путешественниками, например, В.М. Севергиным. Так же, как Севергин, ставивший целью описание «естественного и хозяйственного состояния» [7, с.85] местностей, включая и те, которые принадлежали в начале XIX в. Псковской и Витебской губерниям, Булгарин, выдвигая более обширные задачи, следовал тем же путем, касаясь сторон исторических, литературных, политических, культурных, социологических, этнографических. Вместе с тем, «гибридность» его сочинения не означала многожанровости, отличающей путешествия данного типа. В «Путевых заметках...» «вводный» материал служил не нарративным целям, внося в документальное повествование беллетристическую составляющую, – «сценки, рассуждения, лирические отступления» [16] и тому подобное привлекались как стилистические средства, способствующие интенсивности контактов повествователя с читателем. Уже это выявляет отличие «Путевых заметок...» от сочинений того же ряда: очевидно, что читатель *важен* для повествователя (в глазах реципиента отождествляемого с автором), что ориентация булгаринского текста на объективный мир не исчерпывается прикрепленностью к «кумулятивному развитию события» [2, с.6].

Представляется, что «сборный» жанр [16, с.46] «Путевых заметок...» обусловлен централизующей ролью повествователя относительно представленного материала: он становится попеременно то социологом, то беллетристом, то идеологом-оратором, то географом. В дискурсивных стратегиях Булгарина *читатель* занял равное место с *путешественником-повествователем*, а структурной «гибридностью» образа автора соответствует многосоставная структура читательского образа. Онтологические функции адресанта и адресата в сочинении Булгарина не совпадают с их проявлением в «документально-просветительской» разновидности путешествия. К «Путевым заметкам...» нельзя отнести аттестацию: «Результатом личной непричастности путешественника к изображаемому “чужому” миру становится отстраненная имперсональная ценностно-иерархическая дистанция между повествователем и этим миром, что порождает и особое отношение к читателю, личность и жизненный опыт которого не представляют интереса для повествователя. <...> читатель, которому адресовано путешествие, не получает непосредственной проявленности в произведении <...> [2, с.6].

Наблюдения над тестом «Путевых заметок...» свидетельствуют, что при помощи «обращений к читателю, авторских отступлений, текстовых комментариев» [2, с.6], принадлежащих повествователю, аудитория разных социальных кругов опосредованно «проявляет» себя в путешествии Булгарина. Но не менее важно обратить внимание на представительство читателя в тексте, достигаемое средствами, вытекающими из приоритетной фактографической стилистики. Сокращение дистанции между субъектом и объектом происходит за счет целенаправленного «вхождения» повествователя в «чужой» мир: он находит и конкретизирует здесь образ читателя, под которого, как семантически, так и структурно, выстраивает текст. В каждом «фрагменте» [2, с.6] свой повествователь «от автора» и свой читатель, которого путешественник способен персонифицировать и даже перевести в ранг персонажа, инспирируя формы «жанровой сценки», диалога, речи-обращения, рассуждения на тему и т. д.

Исходя из вышесказанного, граничащие друг с другом в тексте образы «псковича» и «витебчанина» должны значительно отличаться друг от друга, являясь одновременно и частью авторского мира, и мира объективного – каким его видит и изображает ведущий «заметки» путешественник. «Псковский» фрагмент в большей степени детализован по причине того, что повествователю ясна история Псковской земли, от самого «основания гражданственности или *духовной культуры*» [6, с.616] до момента времени, совпадающего с «реальным» путешествием. Булгарину интересен не процесс векового развития, а его результаты, наблюдаемые сегодня или «лет за двадцать перед сим» [5, с.612]. Он может уверенно оценивать «псковича» в современности и древности, высказывать рекомендации по части промыслов и торговли, иницируя конструктивный диалог; делиться впечатлениями. В «псковском» фрагменте повествователь закономерно подходит к проблеме национального, а именно, «псковского характера», поскольку примеры может знать или наблюдать воочию, рассчитывая, что его пожелания и суждения будут услышаны.

Несмотря на то, что Булгарин, как и большинство путешественников, посетивших Псков в XIX веке, отмечает контраст между «нынешним» и древним Псковом: «Нынешний Псков есть только цветок на могиле прежнего...» [4, с.08], ему важнее представить «псковский характер» в единстве, причем, судьба современного псковича не менее значима, чем его героическое прошлое: «<...> живой человек любопытнее древних стен» [5, с.612]; но стены Печорского монастыря, в сворю очередь, «в таком положении, что и теперь могли бы противустоять нечаянному нападению» [3, с.603]. Повествователь знакомит читателя со своими размышлениями «о старине», которая тесно смыкается с новизной: «Что были за люди эти древние Псковичи и Новгородцы? – Мне кажется то же самое, что нынешние наши гостинодворцы, люди умные, смышленные, умеющие продать товар лицом, грамотные, то есть сперва читавшие Св. Писание и Грамоты, а теперь читающие объявления к Санкт-Петербургским и Московским ведомостям, духовные книги, а подчас и светские <...>. В существе это одно и то же» [6, с.616].

В понимании прозвания «пскович» Булгарин, если воспользоваться языком этнографии, переходит от этнонима к этнику – от значения широкого, восходящего к древним, даже родовым образованиям, к более узкому определению «псковича» как обитателя конкретной местности. (Заслуживает внимания замечание историка и археолога В.В. Седова: «Псковская земля была таким же образованием, как Саксония, Бавария, Фризия или Тюрингия. В отличие от последних на Руси сложилось так, что жители исторических земель именовались не по этнонимам, а по стольным городам. Этноним кривичи в Псковской земле был забыт, потомки их стали именоваться псковичами» [8]).

Заключительной части «псковского» фрагмента путешественник-повествователь дает заголовок «Отчет о виденном и слышанном в Псковской губернии», но останавливается исключительно на образе «псковича». На первый план выходит специфика «псковского характера» в свете национальной ментальности – ближайшая к Псковской губернии Белоруссия, в ряду других, дает материал для сопоставления: «Простой народ в Псковской губернии отличается от иноплеменной Чуди (Эстов), и от Латышей, своих соседей, и от Белорусов-славян ростом, телосложением, нравами, обычаями, образом жизни и способностями. <...> Пскович выше их ростом, плотнее, сильнее, трудолюбивее и более склонен к промышленности. Псковский народ есть средняя пропорциональная точка (говоря математически) между Смольянами, Белорусами и Литвою, и Великороссиянами, и равен, в нравственном и физическом отношении, народу Новгородскому. – Находясь между двумя *винолюбивыми* народами, Эстами и Белорусами, Псковичи более склонны к горячим напиткам, нежели Великороссияне, и даже переняли Чухонскую леню. Псковичи имеют свое собственное наречие, свойственное всем потомкам Кривичей, Северян, Дряговичей и Радиничей, то есть они *цвякают* и *дзвякают* («т.е. вместо *д* произносят *дз* и вместо *т* – *тц* в весьма многих словах». – Прим. Ф.В. Булгарина), и укорачивают многие слова, не произнося последней буквы или слога. Купчихи и мещанки Псковские имеют свой особый костюм, который теперь уже выходит из употребления. <...> В Псковском народе незаметно той веселости, охоты к песням и играм, как в Великороссиянах. – Исключая *удельных крестьян* поселяне вообще бедны, и по той дороге, по которой я проезжал, живут неопрятно, в дурных хижинах. Возле питейных домов я находил везде многолюдные собрания» [7, с.703–704].

Вновь обратившись к параллели между этнонимом и этником, можно заметить, что, переходя к Белоруссии, Булгарин опирается на первое из двух понятий – ему не так важны особенности отдельного города и характерные свойства местных жителей. Задача «белорусского» фрагмента ближе к национальной, она обусловлена необходимостью понять этноним «белорус» в его универсальной содержательности и историческом значении. Недаром въезд путешественника в Белоруссию и, соответственно, переход от «псковской» темы к новой топике отмечен заголовком «Взгляд на Белоруссию a vol d'oiseau» («с птичьего полета». – Н.В.). Булгарин видит перед собой не только «местность», но и «страну» – начав с географической характеристики, он переходит к широким, иногда образным обобщениям: «Белоруссия – страна живописная, изобилующая прелестными местоположениями. <...> В Белоруссии, на каждых десяти верстах, находятся виды и места вдесятеро красивее прославленной Ливонской Швейцарии». Обозревая Витебскую губернию, путешественник прибегает к метафоре: «<...> Губерния Витебская имеет гораздо более мест красивых, нежели плодородных. Здесь природа рассыпала более *приятного*, нежели *полезного*. Витебская Губерния есть *бедная красавица*» [8, с.753–754].

Оценочные эпитеты Булгарина не просто информативны: если в «псковском фрагменте» его риторика рассчитана на читателя-россиянина, чье положение стабильно, хотя и не всегда совершенно, то, говоря о «витебчанине» (как представителе своей страны и нации), повествователь, прежде всего, отмечает его причастность движению истории. В пору общения с путешественником этот процесс не завершился окончательным результатом – он зафиксирован в динамике своего

протекания, не позволяя конкретизировать адресата-читателя. На взгляд Булгарина, «витебчане» находятся на пути от «беспорядка» к «порядку», высвобождаясь от влияний Запада в движении к ментальному самоопределению в союзе с Россией. Нужно иметь в виду, что для Булгарина 30-х годов Россия олицетворяла топос идеального миропорядка, воплощаемого в действиях государства, производимых во благо подданных: «<...> Булгарин – не консерватор, а сторонник реформ, но реформ, постепенно проводимых центральной властью» [5, 80]. С этих позиций путешественником оцениваются и привычка к бедности белорусского крестьянина: «Дом его, упряжь, одежда, домашняя утварь – все кое-как и как-нибудь», и возможность избавления от нее ввиду грядущего обновления: «Но теперь все идет у нас быстрыми шагами, благодаря Бога и Царя» [9, 758].

Витебск, в глазах повествователя, является воплощением уже достигнутой на новом витке истории степени благополучия: «Вообще Витебск имеет вид довольства и благосостояния. Во всем порядок. На улицах попадаются красивые экипажи и порядочно одетые люди. В лавках много товаров <...>» [10, 785]; «В Витебске я имел дело с ремесленниками, и из любопытства расхаживал по всем лавкам. Не могу нахвалиться порядком и исправностью. Это делает величайшую честь городскому управлению»; «В Витебске не большой, но отличный круг общества» [10, с.786].

Прошлое он не считает возможным «сводить» с настоящим: прежде, «хотя денег могло быть более, но благосостояния не было, ибо не было порядка, благоустройства, всеобщей безопасности и твердости в законах».

Прощаясь с Витебском, путешественник подытоживает свои впечатления иначе, чем делал это, завершая пребывание в Пскове. Применительно к данному локусу для него более значимы не «характеры», а «нравы», не этнографические показатели, а определение общественного и нравственного «климата»: «Я весьма сожалею, что мне нельзя было пробыть долее в Витебске. Мне чрезвычайно здесь понравилось. Прелестное местоположение, порядок и благоустройство города, просвещенное общество, гостеприимство, радушие, необыкновенная вежливость высших особ, все это сделало для меня драгоценным воспоминание о Витебске. Я здесь, как говорится, *отвел душу*, т.е. надыхался атмосферой образованности и приветливости» [10, с.786].

Отметим в заключение, что государство мыслилось Булгариным в виде «счастливого общества» (А.П. Сумароков), внутри которого проходили условные границы [12], в то время как объединяющими являлись начала безусловные: «просвещение народа» [7, с.704], «твердость» законов, патриотизм, успешно развиваемая экономика, основы морали. «Путевые заметки...» самой структурой текста должны были воплотить целостный образ просвещенной государственности, в которую верил автор, учитывая в изображении различных географических локусов потенциального читателя в его ментальном своеобразии. Вопрос национальной специфики в такой концепции преломлялся в решении общих задач жизнестроительства: «Молю Господа, да уделит Белоруссии десятую долю Лифляндского порядка, просвещения, бережливости и хозяйственности, а *взаимно* Лифляндии ниспошлет хотя сотую долю Белорусского радушия и гостеприимства» [11, с.860].

Литература

1. Акимова, Н.Н. Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф / Н.Н. Акимова. – Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 2002. – 182 с.
2. Банах, И.В. Нарративная структура жанра путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв. Автореф. дис. <...> канд. филол. наук / И.В. Банах. – Минск: БГУ, 2004. – 24 с.
3. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 151.
4. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 152.
5. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 153.
6. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 154.
7. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 176.
8. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 189.
9. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 190.
10. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 197.
11. Булгарин, Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года / Ф.В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – № 215.
12. Вершинина, Н.Л. Топика приграничья в «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною1835 года» Ф.В. Булгарина / Вершинина Н.Л. // Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее и будущее. – Псков: ПскоГУ, 2015. – С. 176–184.
13. Ивашина, Е.С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. / Е.С. Ивашина // Вестник МГУ. – Сер. Филология. – 1979 – № 3. – С. 3 –16.

14. Рейтблат, А.И. Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) / Абрам Ильич Рейтблат // Рейтблат, А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 10–39.
15. Рейтблат, А.И. Пушкин как Булгарин. К вопросу политических взглядов и журналистской деятельности Ф.В. Булгарина и А.С. Пушкина / Абрам Ильич Рейтблат // Рейтблат, А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 58–91.
16. Роболи, Т. Литература «путешествий» / Т. Роболи // Русская проза: Сборник статей / под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. – Л.: Academia, 1926. – С. 42–73.

N.L. Vershinina
Pskov State University
e-mail: nati_85inbox.ru

Axiology of a national mentality in the «Travel notes on a journey from Dorpat to Belarus and back in the spring of 1835» by F.W. Bulgarin (images of a «Pskov citizen» and a «Vitebsk citizen»)

Keywords: travel genre, F.V. Bulgarin, national mentality, «Pskov citizen», «Vitebsk citizen».

The report examines the nature of axiological representations of F.V. Bulgarin, that were reflected in the literary specifics of socio-ethnic, moral and psychological characteristics of the inhabitants of Pskov and Vitebsk provinces. There mounted differences in the author's approach to the image of a «Pskov citizen» and a «Vitebsk citizen» due to geopolitical and historical singularity of their condition, relevant to Bulgarin at the time of a travel. At the same time, emphasized the unification of the image of mental signs, associated with social and literary position of the author: highlighting not national but state priorities, adoption of common educational values, the importance of the economic factors uniting the nations, common moral ideas.

Я.А. Гурская
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mrtini@yandex.ru

УДК 821.161.3-3.09 «19»: 316:63-051 (476.5)

ПОЛЕССКАЯ ДЕРЕВНЯ В РОМАНЕ НАДЕЖДЫ ЛАНСКОЙ «ОБРУСИТЕЛИ»

Ключевые слова: русская литература, художественный образ деревни, пространственный образ, Полесье, белорусская деревня, национальное пространство.

В статье рассматривается изображение полесской деревни, обращается внимание на реалии крестьянского быта в западных областях Российской империи в 80-х годах XIX века. Отмечается доминирование иронии среди изобразительных средств.

На протяжении всей истории новой и новейшей русской литературы в ней значительное место занимал образ деревни. Обращаясь к деревенскому быту и особенностям крестьянской жизни, авторы пытались ответить на вопросы о самой сути русского народа, выявить особенности его развития и мировоззрения, объяснить выбор исторического пути. Деревня стала и ключевым элементом в формировании национального самосознания дворянства, а затем средоточием гражданских добродетелей, высоких моральных качеств, этическим антиподом города и городской жизни.

После освобождения крестьян в 1861 году русская деревня стала не просто центром народной жизни, а настоящей движущей силой истории, со временем приобретающая политический голос в Российской империи. Такие явления, как народничество, хождение в народ, нашли своё отражение не только в литературе, но и в искусстве в целом. Новые политические реалии, новая система взаимодействия дворян с крестьянами, изменение сложившегося на протяжении веков образа жизни провинциальной России – всё это послужило основой для многочисленного ряда художественных произведений второй половины XIX века.

Обратилась в своём творчестве к жизни деревни и крестьянским судьбам и Надежда Владимировна Ланская (в замужестве Яковлева). Известная во второй половине XIX века журналист и писательница, в своих повестях и романах она стремилась, в первую очередь, обличить злоупотребление чиновников своим положением, а также несправедливость, намеренное пренебрежение и манипулирование чиновниками законодательством по отношению к крестьянам. Убедительное свидетельство этого – ее произведения «Ночная бабочка: простая, но подлинная история», «Разорённое гнездо», «Человек и барин», книга очерков «Как живётся в провинции» и т.д.

В 1883 году вышел роман Н. Ланской «Обрусители», действие которого происходило в одной из волостей Полесья. В романе показана жизнь провинциального города «западного края», изменившаяся после «стеканія великаго множества людей великорусскаго происхожденія преимущественно и православнаго исповѣданія непремѣнно» [1, с.9], чтобы «обрусить» территории, когда-то вхо-